

В. М. ТУРОК

ОТ АВСТРОМАРКСИЗМА К СОВРЕМЕННОМУ РЕВИЗИОНИЗМУ

1

В течение первых пятнадцати лет после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России австрийской социал-демократии удавалось удерживать за собой рабочие массы в такой степени, о которой даже не могли мечтать оппортунисты других стран европейского континента. Примерно 700 тыс. членов насчитывала социал-демократическая партия, около 1,5 млн. голосов собирала она на парламентских выборах. И это — в небольшой шестимиллионной стране, где в голосовании участвовали около 3,5 млн. избирателей. В Вене социал-демократия вела за собой в течение ряда лет большинство избирателей. На последних муниципальных выборах в апреле 1932 г. социал-демократы получили в Вене 683 тыс. голосов против 453 тыс., поданных за все буржуазные партии вместе взятые. Компартия получила на этих выборах всего 22 тыс. голосов в рабочих районах Вены¹. В те годы подавляющая часть рабочего класса Австрии шла за социал-демократической партией. К тому времени, когда в мае 1933 г. коммунистическая партия была запрещена, она насчитывала всего несколько тысяч членов².

У социал-демократических лидеров тех лет голова кружилась от избирательных успехов. Руководство партии игнорировало опасности, которые угрожали австрийскому пролетариату и о которых неоднократно предупреждала Коммунистическая партия Австрии. Оно обычно даже не отвечало на предложения коммунистов об установлении единого фронта борьбы против фашизма и реакции. Делегаты социал-демократического съезда в ноябре 1932 г. встретили с одобрением демагогическое заявление Отто Бауэра: «В той степени, в которой вообще может быть осуществлен единый фронт пролетариата, он осуществлен в Австрии в рядах австрийской социал-демократии»³.

Правда, на съезде 1932 г. слышались и голоса критики. Кэте Лейхтер, погибшая в годы второй мировой войны в гитлеровском концлагере, выступила против Карла Реннера: «У меня такое впечатление, что во многих учреждениях, которыми мы управляем, мы рассматриваем эту нашу функцию скорее как административную и слишком мало как ступень к власти»⁴. Делегат съезда Черни из Винер-Нёйштадта сожалел об упущенных возможностях: «Сегодня мы должны открыто признать, что Ноябрьская революция 1918 г., несмотря ни на что, была революцией упущенных возможностей. Если бы два десятилетия тому назад рабочий класс был воспитан не в духе реформизма, а в марксистско-революционном

¹ R. Danneberg. Die Wiener Gemeinderatswahlen im Lichte der Zahlen.— «Der Kampf», 1932, № 8/9, S. 384.

² «Rundschau», 28.II.1935, № 11, S. 602.

³ «Protokoll des sozial-demokratischen Parteitages, abgehalten vom 13. bis zum 15. November 1932». Wien, 1932, S. 40.

⁴ «Protokoll des sozial-demokratischen Parteitages...», S. 47.

духе, то сейчас мы, быть может, с большим удовлетворением смотрели бы назад на эти 14 лет». На съезде было много аналогичных выступлений: они были продиктованы боязнью возмущения социал-демократических низов против оппортунистической политики руководства. Не случайно именно один из сторонников реннеровского крыла, Вильгельм Элленбоген, выступая на съезде, предупреждал, что социал-демократическая молодежь бунтует⁵. Этот бунт усиливался по мере того, как левые фразы австромарксизма все более явственно уступали место открытой капитуляции перед фашизмом. На последнем для предвоенного периода легальном съезде австрийской социал-демократии в октябре 1933 г. впервые за много лет голос организованной левой оппозиции пробился сквозь толщу бюрократического аппарата социал-демократической партии и раздался с трибуны съезда. Представитель одного из рабочих районов Вены, делегат съезда Шармер, выступил от имени группы левых и при поддержке 27 делегатов съезда (из общего числа 500) потребовал прекратить политику непрерывного отступления и перейти к решительной борьбе против реакции⁶. По свидетельству одного из тогдашних редакторов «Arbeiterzeitung», участвовавшего в работе съезда, левая оппозиция пользовалась поддержкой широкого круга делегатов: «В действительности не только организованная оппозиция, но и большая часть съезда была настроена в пользу более решительной наступательной тактики партии»⁷. У левой оппозиции было даже нечто вроде центрального руководства, наиболее выдающимся деятелем которого был Эрнст Фишер⁸.

Имеются убедительные основания полагать, что еще более широкий отклик имели выступления группы левых за стенами съезда. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что местная организация социал-демократической партии в Ротнэйзидле (Нижняя Австрия) прислала на съезд письменное предложение вынести недоверие правлению партии⁹. Но никто из делегатов съезда не поддержал эту резолюцию. Страх перед расколом и тяжелый груз оппортунизма перевесили: резолюция группы левых, внесенная ими на съезде, была взята ими обратно, и съезд единогласно принял резолюцию правления партии, внесенную Отто Бауэром. Здесь немалую роль сыграл и личный авторитет Отто Бауэра. Его влияние на австрийских рабочих было в тот период огромным.

Навстречу февральским боям 1934 г., исход которых надолго определил судьбы Австрии, австрийский рабочий класс шел под руководством оппортунистов. А это закрывало путь к победе, хотя у австрийского пролетариата были налицо все объективные предпосылки для того, чтобы разгромить реакционную диктатуру Дольфуса — Фея, защитить демократию и этим обеспечить свободу и независимость Австрии от гитлеровской Германии. Австрийский пролетариат отличался высокой степенью организованности, много раз на протяжении первой республики демонстрировал свою волю к борьбе против реакции. Тайные склады с оружием шуцбунда еще далеко не были опустошены, хотя при попустительстве лидеров социал-демократии часть оружия попала в руки правительства задолго до начала боев. Однако отсутствие правильного руководства сковывало силы рабочего класса, и он вступал в сражение как бы вслепую. Пролетариат Австрии был ослеплен австромарксизмом. Руководствуясь своим классовым чутьем, рабочие массы понимали: происходило совсем не то, чего они ожидали. И тем не менее выступления против оппортунистического руководства очень быстро прекращались и австромарксистская система торможения в общем безотказно действовала вплоть до февраля 1934 г., когда шуцбун-

⁵ «Protokoll des sozial-demokratischen Parteitages...», S. 45, 48.

⁶ «Arbeiterzeitung», 16.X.1933.

⁷ P e r t i n a x [Отто Лейхтер]. Oesterreich 1934. Die Geschichte einer Konterrevolution. Zürich, 1935, S. 230.

⁸ F. W e s t. Lehrheft zur Geschichte der österreichischen Arbeiterbewegung. Vom 15. Juli 1927 bis zum 12. Februar 1934. Wien, 1955, S. 95.

⁹ «Arbeiterzeitung», 17.X.1933.

довцы, вопреки предписаниям руководства, взяли за оружие. До этого достаточным средством воздействия на массы были выступления Отто Бауэра на конференции доверенных лиц социал-демократической партии с блестяще отточенными и великолепно звучащими демагогическими фразами о том, что руководство готово к революционной борьбе всеми средствами и выжидает лишь наиболее подходящего момента. Достаточным оказывалось приказа о приведении шувбунда в состояние боевой готовности, как шувбундовцы в восторге прибегали на сборные пункты в уверенности, что сейчас им выдадут оружие и поведут на защиту парламента. А через несколько часов они спокойно расходились по домам и на следующий день читали очередное заявление политического руководителя шувбунда Юлиуса Дейча, что шувбунд готов к бою и выступит, как только это понадобится. Так шел месяц за месяцем и год за годом, а решающего момента, по мнению лидеров, не наступало. Австрийский пролетариат привык к мысли, что им руководит партия марксистов, что во главе этой партии стоят ученики и духовные наследники Виктора Адлера (а последний, в свою очередь, был учеником Маркса и Энгельса), что австромарксизм и является настоящим марксизмом. Австромарксизм закрывал австрийскому рабочему глаза и мешал понимать, что австрийская социал-демократическая партия давно перестала быть марксистской. Прозрение наступило лишь утром 12 февраля 1934 г. под огнем хеймвера, жандармерии и армии. Одно время казалось, что в эти дни австромарксистский туман окончательно рассеялся и социал-демократический обман станет для рабочих масс Австрии пройденным этапом. Но яд австромарксизма продолжал действовать и после февраля 1934 г. Австромарксизм оказался исключительно живучим и изворотливым. Возникает вопрос, какими же методами и способами сумел он на такой долгий срок ослепить сознание австрийского рабочего.

2

Отход лидеров австрийской социал-демократии от марксизма начался еще задолго до первой мировой войны. Как и в других партиях II Интернационала, нарастание и усиление оппортунизма происходило постепенно. Сравнительно мирное развитие капитализма в последней четверти XIX в., без больших войн и потрясений, содействовало развитию среди западноевропейских социалистов иллюзий о возможности постепенного перехода от капитализма к социализму путем реформ. Начинался пересмотр многих основных положений марксизма. Выступление Эдуарда Бернштейна не возникло из пустоты и не произошло внезапно, а было подготовлено длительным назреванием оппортунизма внутри социал-демократии.

Некоторые из лидеров социал-демократии тайне сочувствовали Бернштейну, но по разным причинам не решались это показать¹⁰. Не один только немецкий ревизионист Ауэр был раздосадован тем, что Бернштейн высказал вслух скрытые мысли. Многие другие оппортунисты охотно повторили бы его совет Бернштейну: «Милый Эдя, ты — осел: такие вещи делают, но о них не говорят»¹¹. Фактически даже Карл Каутский, еще стоявший тогда на позициях марксизма и публично выступивший против бернштейнианства, не прочь был заключить мир с Бернштейном на основе идеологических уступок ревизионизму и хотел лишь сделать это не столь шумно. По крайней мере так можно понимать письмо Карла Каутского Виктору Адлеру от 9 апреля 1898 г. о выступлении Бернштейна. Это письмо было включено в публикацию недавно изданной переписки Виктора Адлера с руководящими деятелями немецкой социал-демократии. В част-

¹⁰ Видимо, на этих симпатиях и основывалась уверенность ревизионистов в своей силе. Так, например, редактор-издатель органа немецких ревизионистов «Sozialistische Monatshefte» Иозеф Блох писал 21 января 1901 г. в письме Эдуарду Бернштейну: «Бернштейнианство внутри партии пускает все новые корни, и через два-три года Вы созреете для немецкой партии иля, вернее, немецкая партия созреет для Вас».

¹¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. XV, стр. 624 (Примечание 74).

ности. Каутский писал Виктору Адлеру о выступлении Бернштейна: «Он снова должен вступить в контакт с партией. Тогда он, быть может, не начнет иначе думать, но будет говорить это иначе, чем сейчас. Именно он, всегда выделявшийся своим чувством такта, теперь потерял всякое ощущение того, как приступать к разоблачению иллюзии, чтобы оно было принято нашими людьми и не рассматривалось бы противником в качестве уступки»¹².

Что касается Виктора Адлера, то из его переписки с тогдашними лидерами немецких социал-демократов видно, что он не прочь был кое в чем поддержать Бернштейна. В письме Августу Бебелю 1 ноября 1898 г. Виктор Адлер недвусмысленно выступил в пользу «ревизии», заявляя, что «ведь все мы имеем сомнения и возражения». Как и Каутский, главную ошибку Бернштейна Виктор Адлер видел не в отказе от марксизма, а в том, что это делается слишком открыто: «Хуже всего то, что свои монологи и свою душевную борьбу он ведет громко и публично, так как тогда путь назад, конечно, очень труден». В этом письме Виктор Адлер довольно пренебрежительно отзывался о значении борьбы за теоретическую чистоту марксизма: «Ведь я практик, у которого почти нет возможности воспринимать теорию. Для меня самое важное заключается в том, что практически нет ни одного стоящего перед нами вопроса тактики, в котором Эди отклонялся бы от нас и, в частности, от тебя»¹³.

Защита Бернштейна и настаивая на необходимости оставить его в рядах партии, Виктор Адлер обрушивался на наиболее последовательных противников бернштейнианства в германской социал-демократии.

Письмо Виктора Адлера, впервые опубликованное четыре года назад, имеет важное значение не только для уяснения позиции этого крупнейшего руководителя австрийской социал-демократии, но и для характеристики руководства партии в целом. Непосредственного практического влияния в споре вокруг бернштейнианства письмо Виктора Адлера в тот момент не оказало. Произошло это потому, что Бебель немедленно и очень резко откликнулся на письмо Адлера: «Конечно, мы должны пересматривать понятия, но если ревизия заходит так далеко, что все то, что до сих пор считалось правильным, становится ложным или лишь очень условно правильным, если эта критика приводит к тому, что мы должны перестать называть себя социал-демократами, ибо должны отныне именоваться социал-либералами, то я не пойду с вами потому, что я не могу идти, так как это противоречит всем моим убеждениям. Но тогда необходимо также, чтобы от партии отделились все те, кто внутренне к ней больше не принадлежат»¹⁴.

Бебель великолепно понимал, что из бернштейновского пересмотра и ревизии теории марксизма логически вытекает пересмотр и ревизия революционной практики и переход к оппортунистической политике. Историческая действительность очень быстро и наглядно продемонстрировала единство теории и практики, когда вслед за «казусом Бернштейна» последовал «казус Мильерана». В. И. Ленин писал о теории и практике оппортунизма: «Французские социалисты стали не теоретизировать, а прямо действовать; более развитые в демократическом отношении политические условия Франции позволили им сразу перейти к «практическому бернштейнианству» во всех его последствиях. Мильеран дал прекрасный образец этого практического бернштейнианства, — недаром Мильерана так усердно бросились защищать и восхвалять и Бернштейн, и Фольмар!»¹⁵.

¹² V. Adler. Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky, sowie Briefe von und an Ignaz Auer, Eduard Bernstein, Adolf Braun, Heinrich Dietz, Friedrich Ebert, Wilhelm Liebknecht, Herrmann Müller und Paul Singer gesammelt und erläutert von Friedrich Adler. Wien, 1954, S. 246.

¹³ V. Adler. Briefwechsel..., S. 266—268.

¹⁴ Ibid., S. 269.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 327.

Что касается австрийской социал-демократии, то идеологические слабости, присущие в дальнейшем оппортунистическому руководству партии, проявились в своей первичной форме уже в письме Виктора Адлера Белью, а затем принимали все более явственный характер по мере развития империализма. Тактика австромарксистов отличалась от открытых ревизионистов прежде всего нарочито пренебрежительной трактовкой значения и глубины разногласий между марксистами и ревизионистами, отрицанием того, что эти разногласия имели непосредственное отношение к рабочему движению в Австро-Венгрии. Выступая на съезде австрийской социал-демократии в 1903 г. с сообщением о предстоящем Амстердамском конгрессе II Интернационала, Виктор Адлер применил именно этот метод поддержки ревизионистов. Он заявил: «Понятно, что мы с величайшим напряжением следили за борьбой между ревизионистами и принципиальными (марксистами.— В. Т.), а в отдельных случаях вмешивались и лично. Но все мы единодушны в том, что у нас этого противоречия не существует... Противоречие между принципиальной основой и необходимостью практической деятельности, противоречие между общим положением и практической деталью имеется повсеместно и все более и более развивается по мере того, как усиливается практическая деятельность. Возможно, что у нас тоже был бы наготове какой-либо Мильеран, но для него нет свободного поста»¹⁶.

При такой постановке вопроса не удивительно, что на самом Амстердамском конгрессе, состоявшемся в августе 1904 г., Виктор Адлер совместно с Вандервельде внес по вопросу о борьбе с ревизионизмом оппортунистическую резолюцию, отвергнутую, однако, конгрессом.

Именно в этот период складывались отличительные черты австромарксизма, уводившего австрийский пролетариат от классовой борьбы. Возникновение и развитие оппортунизма внутри австрийской социал-демократии объяснялось действием тех же закономерностей экономического и политического развития капитализма на стадии империализма, что и в других европейских странах. Поэтому австрийскому оппортунизму были свойственны те же черты, что и оппортунизму в социал-демократических партиях других стран. Однако имелась и специфически австрийские особенности. Одной из этих особенностей было то, что у Австро-Венгрии отсутствовали колонии и их роль играли для австрийской буржуазии национальные окраины монархии. За их счет и происходило подкармливание рабочей аристократии в Австрии. Национальная борьба принимала исключительно острые формы. В этих условиях буржуазия стремилась создать непреодолимые перегородки между отдельными национальностями для того, чтобы лишить рабочие массы всех национальностей возможности объединиться в борьбе против своих угнетателей и эксплуататоров. Оппортунистическая программа «культурно-национальной автономии» и была одной из отличительных черт австромарксизма. В. И. Ленин отметил еще в 1913 г., что эта программа выдумана не капиталистами, а «оппортунистической, мещанской интеллигенцией Австрии» и что только в Австрии и «возникла эта идея отчаявшегося мелкого буржуа»¹⁷. Извращение марксизма в национальном вопросе во времена монархии привело к тяжелым последствиям для рабочего движения в Австрии и подготовило почву для расцвета антимарксистских, пангерманских идей во времена первой республики.

Другая отличительная особенность австромарксизма заключалась в пренебрежении к революционной теории и увлечении различными философскими и экономическими учениями, не только не имевшими никакого отношения к классовой борьбе рабочего класса, но и прямо ей противодействовавшими. Кажется, ни в одной другой социалистической партии За-

¹⁶ «Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Oesterreichs zu Wien 1903». Wien, 1903, S. 177.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 457.

падной Европы не было такого количества страстных поклонников Канта, Маха, Авенариуса, Фрейда, Бём-Баверка, как среди австрийской социал-демократической интеллигенции. Можно быть совершенно уверенным, что в Австрии было мало рабочих, которые читали бы философские произведения Макса Адлера. Многие социал-демократические публицисты и политики считали, что философия не имеет никакого отношения к политической борьбе и что можно быть хорошим социал-демократом и одновременно неокантианцем или сторонником применения фрейдистского психоанализа к социальным явлениям.

Виктор Адлер полагал, что первостепенное значение для рабочего класса имеют не вопросы марксистской теории, а лишь повседневная борьба за текущие интересы рабочего класса. Однако, когда возникали теоретические споры, то симпатии Виктора Адлера почти неизменно оказывались на стороне правых. В этом отношении важно отметить, что Виктор Адлер был недоволен резкостью статей Г. В. Плеханова против Бернштейна, а относительно острых выступлений В. И. Ленина против оппортунизма писал, что повышенное внимание к теоретическим разногласиям объясняется якобы «непрактичностью» русских социал-демократов.

Попустительство по отношению к ревизии марксизма приводило к тому, что в рядах австрийской социал-демократии фактически объединялись люди самых различных взглядов. Выходцам из среды буржуазной интеллигенции, естественно, суждено было играть важную и ответственную роль в австрийском рабочем движении: они должны были принести рабочим социалистическое сознание, которое рабочий класс не может создать без помощи интеллигенции¹⁸. Но это означало, что та часть буржуазной интеллигенции, которая вливалась в рабочее движение, могла сыграть свою положительную роль только в том случае, если она действительно овладевала марксизмом.

Историческая обстановка, в которой вел свою борьбу австрийский пролетариат, создавала условия, когда передовая часть интеллигенции приходила к рабочему движению. В монархии Габсбургов субъективно честный буржуазный интеллигент не мог не возмущаться прогнившим и уже распадавшимся реакционным режимом, душившим все живое и сколько-нибудь прогрессивное. Австрийские буржуазные партии, блокировавшиеся с венгерскими феодалами или проникнутые реакционно-клерикальным духом, не могли привлекать к себе лучшую часть интеллигентской молодежи. Единственной отдушиной оставалась социал-демократия. Она вела борьбу против Габсбургов, систематически выступала против феодальных пережитков, требовала всеобщего избирательного права и других демократических свобод. Все это импонировало демократической части буржуазной интеллигенции, которая не прочь была пофилософствовать и о социализме, особенно в сочетании с неокантианством и другими учениями, которые были распространены в те времена среди самых разнообразных кругов австрийской буржуазии.

Значительная часть этой социал-демократической интеллигенции шла в рабочее движение с искренним намерением бороться рука об руку с рабочими и могла бы со временем стать пропагандистом марксистских идей. Однако учиться марксизму в Австрии было фактически не у кого. Вступая в социал-демократическую партию, которая была школой австромарксизма, социалистически настроенный интеллигент начинал в первую очередь усваивать искусство компромисса, в котором австромарксистские лидеры были великими и непревзойденными мастерами. Это были прежде всего компромиссы внутри партии, имевшие целью создать равноденствующую между многочисленными течениями и мнениями среди лидеров,

¹⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 347.

а затем компромиссы между социал-демократией и политическими организациями буржуазии. В действительности же в партии господствовал оппортунизм, прикрытый левой фразой.

Левая фраза и была той словесной погремушкой, которая должна была отвлекать внимание рабочих масс от истинного содержания австромарксистских идей и от оппортунистических действий лидеров австромарксистов. Быть может, сильнее всего оппортунизм проявлялся в области взаимоотношений правящих классов Австро-Венгрии с германским империализмом. Социал-демократия не забывала и в этом вопросе прибегать к красивым словам о необходимости бороться против подчинения Австро-Венгрии внешнеполитическим авантюрам германских империалистов. Но одновременно подчеркивалось, что союз с Германией соответствует интересам австрийского пролетариата. Таким образом, практически австрийские социал-демократы еще задолго до первой мировой войны выступали с позиций социал-шовинизма. Так, в январе 1908 г. Отто Бауэр писал: «Твердой опорой всей внешней политики монархии является союз с Германской империей. С точки зрения рабочего класса большой заслугой этого союза является то, что он охраняет мир в Центральной Европе и что дружеские взаимоотношения содействуют нашему товарообмену с Германией... Наша политика мира, наша политика экономического развития, наша политика демократии налагает таким образом на рабочих всех наций (Австро-Венгрии.— В. Т.) обязательство не распатывать союз с Германией»¹⁹. Отто Бауэру вторил Карл Реннер. Он доказывал, что при наличии «трех миллионов социал-демократических голосов... Германская империя, несмотря на злую волю своих властителей, фактически остается мирной державой». Реннер заявлял, что в системе европейских государств Австро-Венгрия также выполняет миссию носителя мира и свободы народов²⁰.

Все эти рассуждения служили идеологической подготовкой той позорной позиции, которую заняло руководство австрийской социал-демократии с началом первой мировой войны, призвав рабочий класс Австро-Венгрии под ружье во имя интересов правящих классов монархии.

Что касается Виктора Адлера, то при всех своих слабостях и ошибках он оставался страстным защитником интересов рабочего класса. Виктор Адлер всегда внимательно следил за борьбой рабочих других стран и приветствовал успехи русского пролетариата в борьбе против царизма, понимая огромное значение этой борьбы для международного рабочего движения. В статье к десятилетней годовщине смерти Фридриха Энгельса, опубликованной 5 августа 1905 г., Виктор Адлер писал: «Но все события отступают на задний план перед решительным, колоссальным значением того факта, что Россия вступила в эру революции. Нельзя думать без боли о том, что Маркс и Энгельс не дожили до этих дней, которых они ждали с таким нетерпением всеми фибрами своего существа. Что решительная борьба против царизма, успех которой должен привести к его падению, будет иметь громаднейшее значение не только для России, но и для всего движения, это мы все чувствуем... Как девятнадцатое столетие началось с французской революции, так двадцатое столетие начнется с русской революции. Наступает новое столетие революции, революции, носителем которой будет, однако, не буржуазия, а пролетариат»²¹.

Жизнь Виктора Адлера была посвящена рабочему классу и была заполнена борьбой за интересы пролетариата. Самое важное в деятельности Адлера как вождя австрийского пролетариата заключается именно в его неизменной преданности повседневным требованиям рабочего класса. Виктор Адлер постоянно призывал к систематической и упорной борьбе за

¹⁹ O. Bauer. Oesterreichs auswärtige Politik und die Sozialdemokratie.— «Der Kampf», 1.1.1908, № 4, S. 149—150.

²⁰ «Der Kampf», 1.1.1909, № 4, S. 166, 168.

²¹ В. Адлер. Статьи, речи и письма, выпуск I. М., 1924, стр. 193.

повышение уровня жизни рабочего класса²². В этом отличие Виктора Адлера от ревизионистов, которые зачастую выступали против экономических и политических требований рабочих масс с позиций, откровенно и прямо враждебных пролетариату.

Однако к концу своей жизни Виктор Адлер окончательно поддался оппортунистическому угару и перешел на позиции социал-шовинизма, характерные для большинства социал-демократических вождей Западной Европы в годы империалистической войны 1914—1918 гг. Еще быстрее отходило вправо новое поколение социал-демократических вождей, выдвинувшихся в начале XX в. и впитавших не столько марксистское учение, сколько его извращение ревизионистами. Эпигоны ушли далеко назад от своих духовных предков и, собственно, уже давно не имеют с ними ничего общего. Многие из политических деятелей, играющих ныне активную роль в социалистической партии, на словах восхваляют всю деятельность Виктора Адлера, но на деле поступают вопреки его заветам.

Все особенности австромарксизма очень ясно проявились в ходе войны. С одной стороны, центральный орган австрийской социал-демократии напечатал статью под заголовком «День немецкой нации», в которой заявлял о своей солидарности с действиями парламентской фракции германской социал-демократии, голосовавшей в рейхстаге за военные кредиты, а руководство австрийских свободных профсоюзов опубликовало 8 августа 1914 г. призыв к рабочим прекратить борьбу за заработную плату. С другой стороны, социал-демократическая партия в своих официальных выступлениях не высказывалась в прямой форме в пользу войны, но призвала рабочих подчиниться неизбежности и не оказывать сопротивления властям во избежание бесполезных жертв²³.

С переходом социал-демократических лидеров в Австрии на позиции империалистической буржуазии австромарксизм скатился на путь сотрудничества и примирения с врагами рабочего класса. В то время как на заводах Австро-Венгрии господствовал произвол администрации, устанавливавшей каторжные условия труда, Карл Реннер в книге, написанной в мае 1917 г., доказывал, что марксов анализ капиталистического производства устарел: «Теперешняя нормальная фабрика уже не является смягченной каторгой... Рабочий класс, несмотря на единое определение его положения как класса, больше не является однородным организмом (как в основном описывал его Карл Маркс), а бесконечно дифференцирован... Искусственное духовное ограничение формами мышления, основанными на уже не существующей фабрике, не может содействовать руководству многогранной миллионной массой, а может только привести к ее расколу»²⁴.

В такой нарочито запутанной и туманной форме Карл Реннер пересматривал экономическое учение Карла Маркса, вопреки очевидным фактам доказывая, что рабочий перестал быть простым придатком машины и что его классовое мышление стало поэтому иным. Вместе с тем Реннер стремился подвергнуть ревизии учение Маркса о государстве. Из усиления государственного регулирования военного времени он делал вывод: «С растущим проникновением государства в народное хозяйство мы должны все более считаться с тем, что судьба пролетариата данной страны совпадает с судьбой государства. Уже сегодня пролетарии чувствуют: мы являемся народом, мы являемся государством. Отсюда для социалистической теории возникает неминуемая обязанность отличать государство как

²² Именно поэтому и писали австрийские коммунисты в брошюре, посвященной 100-летию со дня рождения Виктора Адлера: «Мы видим в Викторе Адлере великого деятеля австрийского рабочего движения и гордимся тем, что мы сохранили боевой дух и социалистический энтузиазм, которыми Виктор Адлер когда-то воодушевил австрийское рабочее движение». — «Victor Adler zum 100 Geburtstag». Wien [1953], S. 14.

²³ E. Priester. Kurze Geschichte Österreichs. Wien, 1949, S. 569—570.

²⁴ K. Renner. Marxismus, Krieg und Internationale. Stuttgart, 1917, S. 48.

организованную народную общность от государства как орудия господства». В заключение Реннер утверждал, что, чем многочисленнее пролетариат и чем выше уровень его развития, тем ближе он стоит к государству. «Заставляет задуматься сам по себе тот факт, что, чем выше развитие пролетариата, тем больше приближаются его представители к правительству государства. Таким образом, степень близости, а не степень отдаленности от государства превращается в признак классовой зрелости!»²⁵ Эта концепция Реннера отличалась открытой враждебностью учению марксизма о государстве.

К тому времени, когда Реннер «приближал» австрийский пролетариат к государству Габсбургов, оно уже находилось при последнем издыхании и никакие усилия не могли ему помочь: рабочие бастовали, солдаты дезертировали из армии и уходили в «зеленые кадры». А многомиллионные массы угнетенных национальностей Австро-Венгрии ждали только благоприятного момента, чтобы уничтожить ненавистное габсбургское государство.

В этих условиях правые лидеры типа Карла Реннера начинали терять свою популярность. Однако в целом руководство австрийской социал-демократии сумело удержать массы под своим влиянием. Хотя основная часть лидеров австрийской социал-демократии по своим взглядам примыкала к Шейдеману, Носке и другим немецким социал-демократам большинства, она в противоположность немецкой социал-демократии удержала центристов в составе единой партии и не допустила раскола. Центристы же служили своего рода громоотводом. Своими демагогическими фразами они давали возможность правому руководству вызывать у широких масс рабочих впечатление, что социал-демократия еще не окончательно погрязла в социал-шовинизме и оппортунизме. Выполнение этой социальной функции центристов облегчалось тем, что на австрийских центристов не оказывало давления наличие такого сравнительно сильного левого крыла, каким были в Германии спартаковцы. В Австрии не было Карла Либкнехта, а была карикатура на него в лице Фридриха Адлера. Выстрел Фридриха Адлера в октябре 1916 г. в австрийского премьера Штюргка был актом отчаявшегося мелкого буржуа, не верившего в силы рабочего класса. Об этом писал В. И. Ленин из Швейцарии в Вену тем левым кинтальцам, которые представляли собой в Австрии зародыш будущей революционной партии. В письме из Цюриха Францу Коричнеру от 25 октября 1916 г. В. И. Ленин настойчиво советовал разъяснять рабочим массам: «не терроризм, а систематическая, длительная, самоотверженная работа революционной пропаганды и агитации, демонстрации и т. д. и т. д. *против* лакейской, оппортунистической партии, *против* империалистов, *против* собственных правительств, *против* войны — вот что нужно»²⁶.

Письмо Ленина, полученное в Вене нелегальным путем и написанное молоком, было проявлено и очень внимательно прочитано. Перепечатанное на машинке, оно распространялось в кружках леворадикалов. Однако среди широких масс выстрел Фридриха Адлера пробудил иллюзии, что внутри социал-демократического руководства имеются люди, которые могут повернуть партию на революционный путь. Для самого Виктора Адлера поступок его сына Фридриха был тяжелым личным ударом, но для социал-демократического руководства в целом этот террористический акт оказался объективно выгодным, так как спасал лицо социал-демократии. Ленинская оценка Фридриха Адлера как совершившего «акт отчаяния каутскянца» подтвердилась всей дальнейшей деятельностью Фридриха Адлера.

В октябре 1917 г. в Вене состоялся съезд австрийской социал-демократии, первый с начала империалистической войны. Здесь снова проявилось значение левой фразы для политики австромарксизма. На съезде вы-

²⁵ К. R e n n e r. *Marxismus, Krieg und Internationale*, S. 378—379.

²⁶ В. И. Л е н и н. *Соч.*, т. 35, стр. 192.

ступала группа центристов под руководством Отто Бауэра, недавно вернувшегося из русского плена, лейтенанта австрийской армии. Эта группа выступала под названием «левых». В письме к Карлу Каутскому от 14 ноября 1917 г. Виктор Адлер, находившийся к этому времени в лагере социал-шовинизма, выражал свою радость по поводу того, что теперь единство партии укрепились именно с помощью бауэровской оппозиции. Виктор Адлер писал Каутскому: «Не могу сказать, что я вами чрезвычайно удовлетворен. Однако я все же добился того единственного, что я поставил своей целью: никоим образом не дать разрушить единство партии. Правда, не обошлось без больших, в том числе и личных, жертв! Но теперь все стало легче, так как здесь Отто [Бауэр]. Правда, он еще немножко чересчур большевик и должен сначала снова приспособиться к старой среде. Но ты едва ли можешь себе представить, какое для меня спасение иметь его здесь»²⁷.

За несколько недель перед Ноябрьской революцией 1918 г., не оставившей камня на камне от монархии Габсбургов, тяжело больной Виктор Адлер писал Карлу Каутскому из Вены: «В конце концов я здесь не нужен — глупостей не будут делать, для этого мои люди слишком умны, а с тех пор, как здесь Отто [Бауэр], я могу не бояться даже эксцессов справа, а что он не допустит эксцессов слева, гарантирует его ум, который еще явственнее проявляется за столом совещания, чем иногда в [журнале] «Kampf»²⁸. Эта похвала Отто Бауэру еще рельефнее выделяется в письме, если учесть, что она сопровождается руганью по адресу Ледебура и выражением бурной ненависти к Мерингу и вообще ко всем германским левым.

3

После распада Австро-Венгрии австромарксизм приобрел в Австрии огромное влияние. Значение австромарксизма выходило далеко за рамки небольшой Австрии. Левая фраза австромарксизма, умение влиять на массы и создавать барьер против распространения коммунистических идей превратили австромарксизм в серьезный политический фактор.

Фридрих Адлер, Отто Бауэр и другие центристы приобрели в самой Австрии необычайно широкую популярность. Объяснялось это не только их личными качествами, а и тем, что они были окружены ореолом левизны. Фактически центристы в своей практической деятельности не отличались от прежнего руководства социал-демократии, но их оппозиция империалистической войне, их выступления против правительства Габсбургов вызывали у широких масс впечатление, что произошла коренная смена руководства. К тому же многие из центристов по-своему учли опыт Великой Октябрьской социалистической революции. К ним относился и сам Отто Бауэр, который на примере русской революции увидел, что силой невозможно удержать массы под господством капитализма после того, как они пришли в движение.

В отличие от Носке и Шейдемана, действовавших с помощью пулеметов и наемных убийц, австромарксисты применяли тщательно разработанную систему социальной демагогии. Они понимали, что непреодолимое тяготение рабочих масс к социализму нельзя задержать обещаниями счастливого, но далекого будущего, которое когда-нибудь наступит для последующих поколений. Массы не хотели ждать и требовали действий.

В такой ситуации только система чрезвычайных мер могла удержать массы от перехода к штурму капитализма. Составной частью этой системы было распространение среди масс убеждения, что капитализм в Австрии уже отмирает и начинается переход к социализму. Реформизм старого типа переставал оказывать воздействие на рабочий класс и начинался новый этап в развитии австромарксизма с применением более совершенных и более тонких методов обмана.

²⁷ V. Adler. Briefwechsel..., S. 646.

²⁸ Ibid., S. 660.

В бурной обстановке революционного времени, когда рухнула монархия Габсбургов и все связанные с ней формы национального и социального гнета, терял прежнее практическое значение лозунг «национально-культурной автономии», занимавший ранее важное место в политическом арсенале австромарксизма. Отходили в прошлое и многие из прежних требований социальных реформ: австрийская буржуазия была вынуждена принимать одно требование рабочих масс за другим, и неслыханно быстрыми темпами — на протяжении нескольких недель — революция осуществила в Австрии социально-политические мероприятия, на борьбу за которые реформисты намечали ранее десятилетия.

Только революция, а отнюдь не социал-демократическая политика постепенных реформ создала возможность такого рода быстрых и важных завоеваний рабочего класса. Все достижения австрийской революции были завоеваны благодаря решительным выступлениям масс и достигнуты вопреки оппортунистической политике социал-демократии. Но лидеры австромарксизма сумели внушить рабочему классу, что все это являлось результатом действий социал-демократических министров, парламентариев, муниципальных советников, итогом компромиссов и переговоров вождей социал-демократии с представителями буржуазии, а не достижениями массовой борьбы.

Австромарксисты избегали прямых выступлений против провозглашенных Октябрьской революцией идей, по старались внедрить в сознание масс фальсифицированный и обезвреженный суррогат этих идей. Огромным успехом пользовался среди австрийских рабочих во время революции лозунг экспроприации экспроприаторов. Рабочие массы требовали конфискации средств производства по русскому образцу. Чтобы парализовать это требование, австромарксистские лидеры тщательно подготовили карикатуру на национализацию промышленности, отклоняя, однако, то главное, что вытекало из опыта Октябрьской революции: социал-демократия отрицала необходимость захвата власти и создания рабоче-крестьянского государства, которое смогло бы осуществить национализацию.

Поэтому в тот период центральное место в социал-демократической пропаганде занимал лозунг так называемой социализации основных отраслей промышленности, осуществляемой в рамках капиталистического строя и при обязательном возмещении собственникам стоимости «социализируемых» предприятий. В программном выступлении об австромарксистском пути к социализму Отто Бауэр писал в 1919 г.: «Социализация начинается с отчуждения. Государство издает закон о потере прежними владельцами тяжелой промышленности их собственности. Прежние владельцы должны получить компенсацию, так как было бы несправедливо отнять у акционеров угольных шахт и металлургических заводов их собственность до тех пор, пока собственность всех других капиталистов остается в их владении»²⁹.

Средства на выплату компенсации Отто Бауэр и вместе с ним руководство социал-демократии предлагали собрать путем введения особого налога на имущество: «В настоящее время возникает вопрос уже не о том, произвести ли экспроприацию, а о том, как ее произвести. Она должна произойти не в форме грубой конфискации капиталистической и помещичьей собственности, так как в этой форме она не могла бы произойти иначе, чем ценой сильного разрушения средств производства, в результате чего сами же народные массы обнищали бы, а источники народного дохода были бы похоронены под развалинами. Наоборот, экспроприация экспроприаторов должна произойти в упорядоченной и урегулированной форме, чтобы производственный аппарат общества не был разрушен и работа промышленности и сельского хозяйства не была замедлена. Важнейшим средством такой урегулированной экспроприации могут стать на-

²⁹ O. Bauer. Der Weg zum Sozialismus. Wien. 1919. S. 6.

логи»³⁰. Предложения Отто Бауэра и были в основном приняты в марте 1919 г. австрийским Учредительным собранием и вошли в текст закона о социализации.

В. И. Ленин дал яркую характеристику бауэровскому проекту социализации: «Милейший добряк, который, вероятно, представляет из себя добродетельнейшего отца семейства, честнейшего гражданина, добросовестнейшего читателя и писателя ученых книг, забыл совсем маленькую мелочь: он забыл, что подобный «упорядоченный» и «урегулированный» переход к социализму (переход, несомненно, самый выгодный для «народа», говоря абстрактно) предполагает абсолютную прочность победы пролетариата, абсолютную безнадежность положения капиталистов, абсолютную для них необходимость и их готовность оказать добросовестнейшее подчинение»³¹.

Ход событий показал правильность ленинского анализа. Как только волна революционного подъема в Австрии схлынула, проекты социализации были забыты и похоронены. К 1921 г. от «социализации» уже ничего не осталось, если не считать небольшого заводика в провинциальном городке Верхней Австрии Штейре со 110 рабочими, трех небольших обувных фабрик, венского ломбарда да еще нескольких мастерских фармацевтического управления³².

В начале 1923 г. орган объединения свободных профсоюзов, подводя итоги работы комиссии по социализации, констатировал: «Соотношение сил вскоре положило конец этой деятельности»³³. Так кончились социал-демократические утопии о «социализации» в рамках капиталистического строя.

Смысл всей той шумной рекламы, которой была окружена кампания за социализацию в первые годы после революции в Австрии, сформулировал американский буржуазный историк Чарлз Гулик: «Историческая важность попыток социализации в Австрии заключалась главным образом, и почти исключительно, в их связи с борьбой против большевизма»³⁴.

Австромарксисты применили тот же метод переименования на свой оппортунистический лад и к лозунгу создания Советов рабочих депутатов. Помешать их возникновению было невозможно, не подвергаясь опасности потерять влияние на массы, и поэтому социал-демократические лидеры даже не пытались это сделать. В результате Австрия была единственной страной Западной Европы, в которой рабочие Советы, возникнув в 1918 г., существовали вплоть до ноября 1924 г. Лидеры австромарксизма применили метод постепенной ликвидации революционного содержания Советов и превращения их в придаток социал-демократической партии, не имеющий никакого реального значения. Таким образом, вместо органов власти Советы в Австрии становились консультативными подчиненными организациями при социал-демократической партии.

С помощью громких фраз о социализации и о функциях Советов в Австрии австромарксизму удавалось, с одной стороны, удерживать пролетариат от немедленного выступления против капиталистического строя, а с другой стороны, укреплять среди рабочих масс иллюзии, что можно, не разрушая буржуазную государственную машину, постепенно проникать в буржуазные органы власти, реформировать и демократизировать их и таким путем превратить государство капиталистов в социалистическое государство без установления диктатуры пролетариата. «То государство, — утверждал К. Респнер, — которое австрийский рабочий класс создал

³⁰ О. Бауер. Der Weg zum Sozialismus, S. 27.

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 335.

³² W. Ellenbogen. Die Sozialisierung in Oesterreich. Wien, 1921, S. 21—25; «Der Weg zum Wohlstand. Ein österreichischer Wirtschaftsplan». Ausg. von der Wirtschaftspolitischen Kommission beim ZK der KPÖ am 9. Juni 1948. Wien, S. 62.

³³ «Arbeit und Wirtschaft», 15.II.1923, № 4, S. 133.

³⁴ Ch. A. Gulick. Austria from Habsburg to Hitler, vol. I. Berkeley — Los Angeles, 1948, p. 143.

благодаря своей энергии, а еще больше благодаря своему мудрому самоограничению и самовоспитанию, правда, еще нельзя назвать социалистическим, но уже можно назвать социальной республикой»³⁵.

По мере вступления австрийского капитализма в период частичной относительной стабилизации усиливались реформистские иллюзии среди части рабочих и все более настойчиво выступали самые откровенные ревизионисты из среды лидеров социал-демократии. Так, в статье к 75-летию Эдуарда Бернштейна Вильгельм Элленбоген противопоставил «благородный образ Эдуарда Бернштейна» радикалам из «Rote Fahne» и обрушился на коммунистов в манере, ничем не отличавшейся от стиля Носке и Шейдемана³⁶. Но не только открыто правое, реннеровское крыло социал-демократии выступало с позиций ревизионизма. То же самое делали и центристские лидеры, пытаясь доказать, что капитализм ушел далеко вперед со времен Маркса и поэтому учение марксизма устарело. Для доказательства этого тезиса австромарксисты прибегали к совершенно явным передержкам. Они заявляли, что поскольку Маркс жил и писал в доимпериалистический период, то его учение неприменимо к периоду империализма. В частности, Отто Бауэр своеобразным способом почтил память Карла Маркса в статье к 40-летию со дня его смерти: «Кто будет сейчас учиться по учебнику физики 1847 или даже 1867 г.? ...Социализм XX в. будет иным, чем социализм XIX в. То, что сегодня кажется кризисом марксизма, является лишь болезненным приспособлением социализма к коренным образом изменившемуся миру».³⁷ При этом оппортунисты и ревизионисты из австромарксистского лагеря полностью игнорировали применение В. И. Лениным марксистского метода для анализа империалистической стадии капитализма.

Они не только не стремились к творческому развитию марксизма применительно к действительным изменениям экономики капитализма, но, наоборот, тянули рабочий класс назад, к домарксовским представлениям о классовой борьбе как явлении, зависящем от доброй или злой воли ее участников, о надклассовости государства, якобы представляющего общность интересов всех слоев общества, и т. д.

Особенность австромарксизма заключалась еще в том, что он увлечивал настроения рабочего класса и соответственно на них реагировал. На каждом шагу своей практической деятельности и каждой строкой своих теоретических исследований австромарксистские лидеры извращали учение Маркса и Энгельса о классовой природе государства и о диктатуре пролетариата. Тем не менее, верные своей зигзагообразной тактике, австромарксисты не выступали с полным отрицанием диктатуры пролетариата и на словах даже признавали ее необходимость в некоторых случаях. Неискушенный австрийский рабочий мог думать, что перед ним не центристы, а самые доподлинные левые. Ведь налицо был один из признаков левизны — признание необходимости диктатуры пролетариата и захвата власти, если понадобится, даже вооруженным путем. Мало того, не ограничиваясь декларациями, социал-демократия еще в 1923 г. создала и свою вооруженную организацию в виде республиканского штурмбанда. Он насчитывал до ста тысяч бойцов и имел в своем распоряжении довольно внушительные склады оружия³⁸.

В годы частичной стабилизации капитализма нарастало недовольство рабочих масс: вместо обещанного перехода к социализму происходили укрепление капиталистического строя и переход буржуазии в наступление против завоеваний революции. Особенное раздражение рабочих вы-

³⁵ K. Renner. Der Wirtschaftliche Klassenkampf.— «Arbeit und Wirtschaft», 1.I.1923, № 1, S. 3.

³⁶ «Arbeit und Wirtschaft», 1.II.1925, № 3, S. 93.

³⁷ O. Bauer. Marx als Mahnung (zu Marxens 40. Todestag).— «Der Kampf», 1923, № 3, S. 85.

³⁸ См. В. М. Турок. Очерки истории Австрии. М., 1955, стр. 348.

зывала активизация фашистских организаций, которые вели себя чрезвычайно провокационно и открыто готовились к гражданской войне. Отдушиной для ослабления этого недовольства явилась Линцская программа социал-демократической партии, принятая на съезде в ноябре 1926 г.

Линцская программа провозглашала диктатуру пролетариата в качестве метода борьбы против буржуазии в том случае, если эта последняя воспротивится демократическому переходу власти в руки рабочего класса³⁹.

На деле этот параграф Линцской программы был фикцией, предназначенной для того, чтобы убедить рабочие массы в мнимой революционной решительности социал-демократии. Тем не менее перед съездом и на его заседаниях этот параграф вызвал сильное недовольство правых лидеров, не желавших даже в условной и обставленной различными оговорками форме соглашаться на признание возможности диктатуры пролетариата. Кстати сказать, один из деятелей правого крыла австрийской социал-демократии был очень близок к истине, когда в предсъездовской полемике против параграфа о диктатуре утверждал, что определение диктатуры дано здесь с преднамеренной неточностью, лишь с целью показать, что «мы все же кое-чему научились у большевиков»⁴⁰.

Идея диктатуры пролетариата оставалась для австромарксизма чистой абстракцией, так как практически выдвигался лишь один совершенно формальный критерий для определения того момента, когда можно будет осуществить диктатуру пролетариата. Этим критерием было получение социал-демократией 51% голосов на парламентских выборах и формирование социал-демократического правительства. Так как австрийской социал-демократии в годы первой республики ни разу не удалось собрать больше 43% голосов, а социал-демократическая трактовка крестьянства как сплошной реакционной массы закрывала возможность завоевания союзников в деревне, то лозунг завоевания абсолютного большинства избирателей являлся удобным средством уклониться на практике от постановки вопроса о захвате власти. За все время действия Линцской программы так и не наступил тот небывалый случай, который параграф программы предусматривал как возможность «сломить сопротивление буржуазии средствами диктатуры».

К тому же выдвигалась и дополнительная аргументация, парализовавшая борьбу за диктатуру пролетариата. Эта аргументация заключалась в том, что в такой небольшой стране, как Австрия, пролетариату вообще невозможно захватить и удержать власть, а надо ждать, пока это сделают рабочие других, более крупных стран, или же сначала добиться включения Австрии в состав Германии, а затем уже совместно с германскими рабочими бороться за диктатуру пролетариата в этой объединенной Австро-Германии. Таким образом, начав с признания идеи диктатуры пролетариата, австромарксисты подменили ее лозунгом аншлюсса. Для популяризации аншлюсса был использован весь старый арсенал лозунгов австромарксизма, связанных еще с идеями культурно-национальной автономии. Пангерманское требование аншлюсса фигурировало в программе австрийской социал-демократии вплоть до 1933 г. и было вычеркнуто лишь после захвата Гитлером власти в Германии. Однако можно было вычеркнуть параграф об аншлюссе, но гораздо труднее было вычеркнуть последствия многолетней пропаганды австрийской социал-демократии в пользу аншлюсса⁴¹. На протяжении всего существования первой респуб-

³⁹ «Programm und Organisation der deutschösterreichischen Sozialdemokratie». Wien, 1927, S. 12.

⁴⁰ «Der Kampf», 1926, № 11, S. 502 (статья Оскара Требича).

⁴¹ Наиболее яркое представление об этом реакционном значении лозунга аншлюсса дает обращение Карла Реннера, согласованное с некоторыми другими правыми деятелями австрийской социал-демократии, в апреле 1938 г. с призывом голосовать за одобрение аннексии Австрии гитлеровской Германией.

лики пангерманская пропаганда была одним из важных методов австромарксизма для подавления революционных выступлений масс.

Лозунг аншлюсса был широко использован также для внедрения в сознание рабочего класса мысли о том, что без присоединения к Германии Австрия вообще существовать не может, так как она экономически нежизнеспособна. А отсюда было уже очень недалеко до вывода о бессмысленности всякой борьбы, кроме борьбы за непосредственные, повседневные экономические требования.

Пышные революционные фразы о диктатуре пролетариата, о Советах рабочих депутатов, о социализме и классовой борьбе являлись простой вывеской, за которой скрывалась обычная реформистская практика. В то время как Отто Бауэр произносил речи о готовности социал-демократии к борьбе любыми средствами, а Фридрих Адлер выступал на международных конференциях и уверял, что социал-демократия мечтает о воссоздании единого фронта международного пролетариата, Бенедикт Каутский занимался в Венской палате труда единственно реальным делом австромарксизма: сглаживал мелкие конфликты на предприятиях, добивался повышения заработной платы на 2—3 гроша.

Так продолжалось до февраля 1934 г., когда уже никакие ухищрения австромарксистских вождей не смогли сдержать революционного порыва масс. Классовое сознание австрийского пролетариата прорвало все организационные и идеологические преграды, созданные австромарксизмом. Начались оборонительные бои шпцбунда против нападения фашистского хеймвера. Но было уже поздно. Поражение рабочего класса в этих боях было подготовлено всей предыдущей политикой австромарксистских лидеров. Результатом этой политики явилась диктатура австрофашизма.

Впервые в истории австрийского рабочего движения широкие слои пролетариата поняли, как их в течение многих лет обманывали и что рушилось все, во что они верили. Впервые стала завоевывать политическое влияние на массы Коммунистическая партия Австрии. Социал-демократическое руководство как в эмиграции, так и внутри страны увидело, что старыми методами невозможно удержать массы от перехода на сторону коммунизма. По словам Иозефа Буттингера⁴², на состоявшемся в начале марта 1934 г. в Вене расширенном нелегальном заседании руководящей группы социал-демократов присутствующие единодушно заявили: «Надо совершенно открыто сказать, что «прежняя демократическая установка» повсюду наталкивается на бурное сопротивление. Люди настолько повели, что все они перебегут к коммунистам, если мы тоже не признаем себя сторонниками насилия и диктатуры пролетариата»⁴³.

Чтобы удержать и восстановить свое влияние на массы, австромарксизм применил демагогию, во много раз превосходившую прежние образцы. Австромарксистские лидеры перешли к новым формам работы, необычным для прежней социал-демократии. Была создана строго конспиративная, нелегальная организация. В ее структуре кое-что было заимствовано из практики коммунистического движения. Делая вид, что реформистское прошлое отброшено и что австромарксизм переходит к действительно революционной борьбе, социал-демократы изменили даже название партии, и она стала именоваться партией «революционных социалистов». В изложении Иозефа Буттингера это произошло следующим образом: приблизительно 9 марта 1934 г. председатель только что созданного нелегального ЦК Манфред Аккерман встретился с Оскаром Поллаком и Карлом Гансом Зайлером. Они обсуждали вопрос о том, от чьего имени будет выступать новый ЦК. Аккерман заявил: «Для нас невозможно вопреки всеобщему настроению сохранить старое демократическое

⁴² Под именем «Густав Рихтер» он был председателем нелегального ЦК социалистов в Вене в 1935—1937 гг.

⁴³ J. Buttinger. Am Beispiel Oesterreichs. Ein geschichtlicher Beitrag zur Krise der sozialistischen Bewegung. Köln, 1953, S. 64.

название партии! Мы должны переименовать партию». Поллак со своей стороны пояснил Зейделю, только что вышедшему из тюрьмы и еще не осведомленному о настроениях рабочих, что «никто не хочет слышать слово «демократия»». После этого совещания Аккерман послал Отто Бауэру в эмигрантский центр в Брно письмо, которое заканчивалось фразой: «И вот мы хотим просить Вас дать согласие на то, чтобы мы приняли название: ЦК революционных социалистов»⁴⁴. Так и возникло новое название социал-демократии.

Отошли или были отстранены от связи с новой партией те прежние деятели социал-демократии, которые были известны в качестве откровенно правых лидеров и слишком себя скомпрометировали капитулянтством или трусостью во время февральских боев. Карл Реннер не знал даже имен нелегальных руководителей партии «революционных социалистов» и не поддерживал никаких отношений с эмигрантским бюро австрийской социал-демократии в Брно⁴⁵.

На первой нелегальной конференции австрийских социалистов, происходившей в сентябре 1934 г. вблизи Брно (эта конференция известна в литературе под названием «венская конференция»), была принята и опубликована в нелегальной печати так называемая «первая декларация о принципах». В декларации говорилось: «Свободные от ошибок и иллюзий прошлого, мы хотим построить новое, объединенное движение. Только в классовой борьбе мы видим средство для освобождения рабочего класса. Его целью является завоевание власти пролетариатом для создания социалистического общества. Лишенный всех демократических прав, рабочий класс должен вести свою борьбу революционными средствами. В непримиримой революционной борьбе он должен свергнуть фашистскую диктатуру, завоевать государственную власть и удерживать завоеванную власть средствами революционной диктатуры».

Таким образом, в вопросе о диктатуре пролетариата декларация шла неизмеримо дальше Липецкой программы. Содержалось в декларации и определение целей диктатуры: «Диктатура рабочих и крестьян разрушит фашистский аппарат господства и создаст социалистический государственный аппарат. Она сломит сопротивление эксплуататорских классов, капиталистов, помещиков и их прихвостней — попов, бюрократов и генералов, лишит эксплуататорские классы их силы путем распределения помещичьей земли между сельскохозяйственными рабочими, детьми крестьян и мелкими арендаторами, путем социализации крупных предприятий в промышленности, в лесном хозяйстве, в торговле, на транспорте и в банковском деле и этим создаст основы социалистического общественного строя»⁴⁶.

Так далеко еще никогда не заходил австромарксизм в своих словесных декларациях и обещаниях. В нелегальных листовках и газетах «революционных социалистов» сотни раз повторялись самые решительные призывы и обещания не повторять прежних ошибок старой социал-демократии. В нелегальной листовке, выпущенной к четвертой годовщине февральских боев, говорилось: «Февральская борьба учит нас тому, что рабочий класс

⁴⁴ J. Buttinger. Am Beispiel Oesterreichs..., S. 65—66.

⁴⁵ Известно, что Отто Бауэр резко возражал против переговоров Реннера с лидером югославских социал-демократов Живко Топаловичем, происходивших в мае 1936 г. в Вене при содействии югославского правительства (Историко-Дипломатический Архив, ф. № 467, д. I—IV). В письме из Брно 16 июня 1936 г. Отто Бауэр писал в Париж: «В стране существует подлинная партия с собственным руководством. При переговорах с братскими партиями могут выступать только уполномоченные этой партии. Люди, которые стоят совершенно вне теперешней партии и, вероятно, даже мало о ней знают, были бы дезавуированы в качестве представителей».

⁴⁶ Нелегальная брошюра с декларацией конференции и другими документами «революционных социалистов» 1934—1935 гг. была опубликована миниатюрным форматом на топкой бумаге. В качестве титульного листа был использован заголовок школьного издания: «Cicero. Drei Bücher von den Pflichten» (уникальный экземпляр брошюры находится в коллекции, принадлежавшей ветерану австрийского коммунистического движения А. Г. Баралю).

расплачивается поражением за всякое снисхождение к противнику, за всякое промедление в борьбе и за всякую недооценку жестокости и решительности господствующего класса. Отчаянные усилия уклониться от гражданской борьбы, бесчисленные жертвы и уступки и отступление перед фашистской политикой насилия не побудили фашизм одуматься, но зато снизили боеспособность рабочего класса». Далее листовка обещала, что «рабочий класс никогда не забудет уроков 1918 и 1934 гг.»⁴⁷.

Вместе с тем Отто Бауэр в книге, опубликованной в 1936 г. в Братиславе, подчеркивал, что тактика и политика «революционных социалистов» отнюдь не разрывает преемственности австромарксистских традиций, а, наоборот, продолжает и развивает их в новой обстановке. Эти традиции Отто Бауэр видел в «соединении реформистской идеологии повседневно-сти с революционной перспективой будущего»⁴⁸.

Следует сказать, что уже в то время маневры руководителей нелегальной социалистической организации по вопросу о создании единого фронта австрийского рабочего класса на основе совместных действий социалистов и коммунистов и ряд других конкретных фактов вызывали сомнения в намерениях руководителей. Было ясно, что рабочие и подавляющее большинство низовых и средних функционеров-социалистов действительно стремятся порвать с оппортунистическим прошлым, но этого нельзя было сказать о многих руководящих деятелях. Достаточно упомянуть строго секретные письма, которые Оскар Поллак присылал в Вену из Парижа в начале 1936 г., настойчиво рекомендуя отмежеваться от коммунистов в предстоящем в марте крупном судебном процессе арестованного полицией совместного комитета действий коммунистов и социалистов. Оскар Поллак советовал никоим образом не допускать превращения этого процесса коммунистами в политическую демонстрацию протеста против диктатуры фашизма.

Так или иначе, в нелегальный период, с перебоями и трениями, под сильным давлением рабочих масс, все же осуществлялся единый фронт рабочего класса, и только поэтому австрийскому пролетариату удавалось временами добиваться хотя бы некоторых успехов. Однако руководители «революционных социалистов» в своем большинстве рассматривали единый фронт рабочего класса как явление временное и вынужденное.

4

Героической победой Советской Армии и полным разгромом гитлеровской Германии закончилась вторая мировая война. Она принесла освобождение многим народам Европы. В результате победы Советского Союза австрийский народ освободился от гнета фашистской диктатуры и получил возможность восстановить национальную независимость страны. В Австрии, как и во многих других странах Западной Европы, рабочее движение вступило после второй мировой войны в новый этап своего развития: коммунистические партии значительно окрепли и нашли путь к установлению взаимопонимания с теми слоями рабочего класса, которые до войны находились во власти реформистских или буржуазных влияний. Движение за единый фронт рабочего класса, против реакции и угрозы новой войны стало мощным фактором политической жизни.

В новую фазу вступила и борьба рабочего класса за социализм. Возникновение стран народной демократии в Европе и Азии значительно сузило рамки капиталистического мира. Границы социализма вплотную при-

⁴⁷ Листовка написана от имени «ЦК революционных социалистов Австрии» и обращена к «рабочим-социалистам». Напечатана листовка типографским способом, без даты. Дату можно установить из первой фразы: «Заканчивается четвертый год фашистского господства насилия». Следовательно, текст написан в середине февраля 1938 г. (листовка находится в коллекции А. Г. Бараля).

⁴⁸ O. Bauer. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus. Bratislava, 1936, S. 342.

близилась к Австрии. В самой Австрии произошел существенный сдвиг рабочих масс влево. Вырос численный состав членов коммунистической партии. Впервые в истории Австрии коммунисты представлены в австрийском парламенте и в ландтагах земель, в муниципалитете Вены и в муниципальных советах многих городов провинции. Компартия стала активным фактором политической борьбы австрийского пролетариата. В речи на открытии конференции австрийской компартии в феврале 1958 г. Йоган Коппленг подчеркнул: «В последние годы наши противники прилагали немало усилий для того, чтобы внести замешательство в наши ряды. Но все их усилия и попытки раздавить коммунистов потерпели неудачу. Программные тезисы о пути Австрии к социализму помогут еще теснее сплотить нашу партию. Они помогут нам с еще большей силой выступать за социализм, за идеи марксизма-ленинизма»⁴⁹.

Грациозные перемены в расстановке классовых сил в международном масштабе и существенные изменения в расстановке их в самой Австрии привели к тому, что социалистическая партия резко изменила свою политику. Во времена первой республики австромарксисты жонглировали левой фразой, в общем не опасаясь, что это обратится против них самих: Австрия, казалось, была неприступным островком реформизма. Социализм и диктатура пролетариата изображались австромарксистами в качестве туманной перспективы далекого будущего. Но как только эта перспектива приняла вполне реальные очертания, а островок начал крошиться, лидеры социалистической партии резко повернули вправо. Это и привело в конечном счете к тому, что прежнее левое крыло довоенного II Интернационала превратилось в авангард реакции в рядах послевоенного Интернационала. Об этом превращении свидетельствует проект программы СПА. На съезде социалистической партии в Зальцбурге в ноябре 1957 г. этот проект принят без прений в качестве предварительного и передан на обсуждение низовых организаций партии с последующим рассмотрением на чрезвычайном партийном съезде.

Если раньше многие оппортунисты II Интернационала старались заимствовать у австромарксистов искусство левой демагогии, то теперь они заимствуют у австрийских правых социалистов реакционную идеологию. Центральный орган западногерманской социал-демократии констатировал: «Споры социалистов о программе находят внимательных слушателей и наблюдателей далеко за пределами социалистических партий»⁵⁰.

Конечно, между австромарксистами времен первой республики и авторами проекта программы австрийских правых социалистов, несомненно, имеется много общего и родственного. Это общее заключается в стремлении к ревизии марксизма и пересмотру его основных положений, к отвлечению рабочего класса от борьбы за власть для перехода к социализму. Отсюда возникает в ряде случаев совпадение в аргументации, имеющей целью доказать необходимость ревизии марксизма. Если Отто Бауэр в свое время приравнивал «Манифест Коммунистической партии» к учебнику физики 1847 г. для того, чтобы доказать необходимость «обновления» марксизма, то Фриц Кленнер (заместитель секретаря объединения австрийских профсоюзов) во время обсуждения проекта программы повторил тот же самый прием: «Уже не при мерцании керосиновой лампы, а при свете неоновых трубок читаем мы новую социалистическую программу... Повсюду на земле эпоха керосиновых ламп неудержимо идет к своему концу»⁵¹. Под керосиновой лампой Фриц Кленнер и другие авторы проекта программы имели в виду «Манифест Коммунистической партии» и многие другие

⁴⁹ «Volksstimme», 20.II.1958.

⁵⁰ «Vorwärts», 21.III.1958.

⁵¹ «Arbeiterzeitung», 8.XII.1957. Фриц Кленнер был членом комиссии, которая под председательством Бенедикта Каутского подготовила предварительный проект программы к Зальцбургскому съезду СПА. Кроме того, в комиссию входили Бруно Крейски (статс-секретарь министерства иностранных дел) и Алоис Пинергер (один из секретарей правления социалистической партии).

работы Маркса и Энгельса. Основная цель Клеппера заключается в том, чтобы погасить светоч марксизма и под прикрытием рассуждений о неоновых трубках влить в сознание рабочего класса трушный яд буржуазной идеологии.

Но наряду с этим сходством имеется существенное различие между австромарксистами и пынешними правыми социалистами. Отто Бауэр и другие центристы того времени, занимаясь ревизией марксизма, все же принимали некоторые положения марксизма в качестве исходного пункта. Однако австромарксисты стремились лишить марксизм революционного содержания, подменяя марксизм идею классовой борьбы реформистским представлением о классовом сотрудничестве. Споры между коммунистами и австромарксистами происходили в плоскости революционного или реформистского истолкования учения марксизма, в плоскости творческого применения марксизма для правильного понимания закономерностей классовой борьбы в период империализма или отрицания этих закономерностей. Австромарксисты извращали марксизм и вели рабочий класс к поражениям. Современные австрийские правые социалисты уже не извращают марксизм, а просто его отрицают, как это ясно видно из проекта их программы, а потому отклоняют также попытки подкрашивания марксизма, совершавшиеся австромарксистами. Авторам проекта программы социалистической партии даже австромарксистский суррогат марксизма представляется излишним и опасным, так как они открыто выступают с антимарксистских позиций. Именно поэтому проект программы вызвал недовольство не только среди рядовых рабочих-социалистов, но даже и среди некоторых руководящих функционеров социалистической партии. Так, например, в ходе дискуссии по проекту программы один из деятелей австрийских свободных профсоюзов Иозеф Гиндельс выступил в теоретическом органе СПА с протестом против теории керосиновой лампы: «Когда Отто Бауэр писал проект Линцской программы, он, конечно, мог пользоваться электрическим светом. А когда Гарольд Ласки после второй мировой войны и после грандиозной избирательной победы английской лейбористской партии пришел к выводу, что Коммунистический манифест выдержал испытание историей, мы уже приближались ко второй половине XX в. Предварительный проект новой партийной программы со всей резкостью ставит на обсуждение вопрос, должна ли Социалистическая партия Австрии в 1958 г. выбросить, как старую рухлядь, марксово учение в той части, в которой оно относится к современному обществу. Является ли своевременным разрыв с австромарксистским прошлым?». Гиндельс отвечает на этот вопрос констатацией, что хотя со времен Маркса в капитализме произошли изменения, но «эти изменения, подлежащие тщательному изучению, не опровергли существенных положений марксизма. Задача программы — ясно высказать это»⁵².

Но авторы программы ставили перед собой совершенно иную задачу: опровергнуть учение Маркса и доказать, что оно устарело и неприменимо к современным условиям. Некоторые из современных австрийских ревизионистов идут еще дальше авторов проекта и фактически отрицают не только марксизм, но и вообще социализм. Один из такого рода ревизионистов заявил в дискуссии о программе: «Мы, люди XX века, не желаем слушать никаких неоспоримых премудростей ни в истолковании истории, ни в прогнозах, ни в рецептах. Мы не верим в исторические необходимости и в неизбежное развитие. У нас имеются наши идеалы, и они остаются прежними: картина социалистического общества означает для нас не меньше, чем для наших отцов и дедов. Однако мы не верим, что социализм неизбежно должен прийти и что дело заключается лишь в том, чтобы ускорить развитие. И мы не так уж убеждены, что вообще возможно полностью осуществить социализм и что в человеческой психике нет элементов, ко-

⁵² J. H i n d e l s. Das vierte Programm und der Marxismus. Eine grundsätzliche Kritik des Vorentwurfs.— «Zukunft», 1958, № 1, S. 11—12.

торые препятствуют совместной жизни людей в мире, свободе и братстве. Однако наш скептицизм также по отношению к науке приводит к тому, что мы ничто не считаем окончательно невозможным, как и наоборот — ничто не представляется нам окончательно возможным»⁵³.

Таким образом, из науки социализм превращается у ревизионистов в сон, в мечту, в утопию. С помощью нарочито заумных упражнений ревизионисты прикрывают свое отречение от научного социализма.

Ревизионисты из СПА хотят лишить рабочее движение марксизма — острейшего оружия в борьбе против капитализма и этим вернуть рабочий класс к далеким временам домарковского социализма.

Проект программы даже манерой изложения и стилем отличается от прежних документов времен австромарксизма. В статье, предназначенной для ознакомления западнонемецких социал-демократов с австрийским проектом, Бенедикт Каутский признал, что это обстоятельство не является случайностью: «Дикция и метод выражения проекта значительно отличаются от прежних программ. Старая марксистская терминология исчезла, и вместо нее сознательно применен стиль, который отвечает потребностям современности»⁵⁴. Каковы же основные положения проекта, освобожденного как от марксистской терминологии, так и от марксистского содержания?

Прежде всего проект в самой категорической и безоговорочной форме отвергает диктатуру пролетариата, считая, что она «заключает в себе внутреннее противоречие: рабочий класс стремится к уничтожению всех классов, а не к господству над другими классами»⁵⁵. Программа при всех условиях выступает против господства рабочего класса в переходный период между капитализмом и социализмом и полностью отрицает не только необходимость, но и какую-либо возможность диктатуры пролетариата.

Идеалом программы является некая мифическая демократия, которая будет якобы осуществляться сама собой: «Принцип демократического социализма может быть осуществлен только благодаря исполненному чувству ответственности сотрудничеству каждого отдельного человека... Лишь отказ от всякого группового эгоизма гарантирует всеобщую солидарность в интересах всего сообщества, ибо государство является не чем иным, как совокупностью граждан, которые и внутри целого остаются отдельными личностями и хотят, чтобы их рассматривали как таковых». Получается некая всемирная Аркадия: в этом сообществе никто не должен навязывать свою волю другому. Так как социализм отвечает интересам большинства народа, то социалистические партии должны превратиться в общенародные партии и таким путем добиться политической власти. При этом социалистическая партия, растворившаяся в этой общенародной партии, отнюдь не будет стремиться к концентрации в своих руках политической власти: «СПА исходит из той основной мысли, что в современной демократии следует избегать сосредоточения власти в руках партий, равно как в руках бюрократии или экономических союзов и корпораций. Демократия означает не только власть большинства, но и защиту прав меньшинства». Вообще в странах развитого капитализма антагонистические противоречия практически исчезли: «Противоречия между капитализмом и социализмом в индустриализованном секторе мирового хозяйства претерпели столь большую эволюцию, что стало возможным постепенное сглаживание их в рамках демократических принципов, без применения насилия».

Проект программы не только отвергает классовую борьбу, но и отрицает марксово определение классов капиталистического общества. Содержащаяся в проекте программы отрицание классовой структуры капитали-

⁵³ Th. Neumann. Bekenntnis zum «sozialistischen Traum». — «Zukunft», 1958, № 1, S. 18.

⁵⁴ B. Kautsky. Der Programmentwurf der Sozialistischen Partei Österreichs. — «Die Neue Gesellschaft», 1958, № 1, S. 64.

⁵⁵ Полный текст проекта программы опубликован в «Arbeiterzeitung», 23.XI.1957.

стического общества настолько противоречит действительности, что вызывает недоумения и возражения даже у тех немногочисленных авторов, которые имеют возможность высказываться на страницах теоретического органа социалистической партии. Так, Карл Чернец, являвшийся одним из руководящих деятелей «революционных социалистов» во время диктатуры австрофашизма, выступил с возражением против того раздела программы, который пытается утверждать, что «современное общество развивалось совершенно иначе, чем это предсказывал Маркс в «Коммунистическом Манифесте»». В противоположность этому утверждению Чернец высказал свое мнение, что «созданный Марксом метод социологии остается действительным и что он должен быть применен, если социалистическое движение хочет с полным сознанием вмешиваться в ход развития общества»⁵⁶. Чтобы избежать теоретических споров, Карл Чернец предлагал вообще отложить принятие программы.

У каждого читателя проекта программы, конечно, возникает вопрос, каким же образом при таком идиллическом развитии капиталистического общества, которое изображается в программе, мог возникнуть фашизм и почему потребовались такие колоссальные усилия народных масс, чтобы уничтожить диктатуру фашизма в Германии и в Австрии. А попутно возникает и другой вопрос, не продолжает ли по-прежнему существовать опасность фашизма? На это авторы проекта дают ответ, столь же грубо извращающий подлинную картину развития капитализма, как и в остальных вопросах. Оказывается, фашизм был вызван просто заблуждениями буржуазии, от которых она уже якобы отказалась.

Ненависть к коммунизму является основной отличительной чертой проекта программы австрийских правых социалистов. Во имя защиты капитализма авторы проекта готовы к любым соглашениям с капиталистами. Бенедикт Каутский был узником Бухенвальда, но газовые печи не вызвали у него непримиримой ненависти к капиталистам, а вызвали лишь мысли о терпимости и примирении. Освобожденные из фашистского концлагеря только благодаря победе Советской Армии многие правые социалисты проповедают непримиримую борьбу против коммунизма. Колониализм проекта программы, имеющий целью защитить гнусные действия империалистов в их борьбе против народов Азии и Африки, вызвал возражения даже со стороны ряда социалистических функционеров. Так, Иозеф Гиндельс писал по поводу враждебного отношения авторов проекта к освободительной борьбе народов Востока: «Это место предварительного проекта я перечитал несколько раз с чувством нарастающего отчаяния. Что означает эта картина чернее черного?... Без антиколониальной революции нет социализма. Разрушение последних позиций империализма в Азии и Африке является таким же прогрессом, каким было когда-то в Европе разрушение привилегий аристократии»⁵⁷.

Во время обсуждения проекта программы рабочие-социалисты выступили с резкой критикой руководства социалистической партии, порвавшего с основными принципами марксизма. В промежутке между Зальцбургским съездом в ноябре 1957 г. и чрезвычайным съездом социалистической партии в мае 1958 г. было внесено свыше тысячи предложений и изменений к тексту проекта. Значительная часть этих предложений была направлена против наиболее открытых антимаרקсистских и антисоветских разделов проекта. В этих условиях руководство социалистической партии вынуждено было возвратиться к старому австромарксистскому методу компромисса. В окончательном тексте, принятом майским съездом, исчезли те положения, которые вызвали наибольшее недовольство рядовых членов партии. Программа перестала носить характер демонстративного

⁵⁶ K. Czernetz. Das verfrühte Programm.— «Zukunft», 1958, № 2, S. 41.

⁵⁷ «Zukunft», 1958, № 1, S. 15.

документа воинствующего антимарксизма, оставаясь предельно оппортунистической и ревизионистской.

Опыт истории показывает, что рабочий класс умеет не только побеждать своего классового врага на баррикадах и фронтах гражданской войны, но и одерживать идеологические победы в борьбе против оппортунистов и ревизионистов в собственных рядах. Много было в прошлом лжепророков, пытавшихся опровергнуть учение Маркса, но их выступления не могли задержать победного шествия марксизма. Ревизионисты могли добиваться временных успехов, удерживая часть рабочего класса от перехода на сторону марксизма, но рано или поздно пролетариат находил правильный путь и снова выходил на столбовую дорожку классовой борьбы.

Полвека тому назад один из активнейших ревизионистов, Иозеф Блох, был восхищен выступлениями итальянских реформистов и в письме к Биссолатти 3 октября 1908 г. выражал свой восторг: «Прежде всего мое сердечное поздравление с великой победой реформизма на конгрессе во Флоренции! Это — начало новой эпохи для итальянского социализма, и, надо надеяться, не только для итальянского». Прошло полвека, и от «великих побед» Биссолатти осталось воспоминание лишь на страницах исторических исследований, а итальянский пролетариат, пройдя тяжелый путь борьбы против реформизма, превратился в один из самых мощных отрядов международного рабочего движения в Западной Европе. Сложную борьбу против влияния ревизионизма приходится вести и авангарду рабочего класса в Австрии. Программный документ «Путь Австрии к социализму», принятый на конференции компартии Австрии в феврале 1958 г., с новой силой подчеркнул необходимость борьбы за освобождение рабочих масс от влияния ревизионистов: «Политика Социалистической партии Австрии является реформистской и антикоммунистической. Однако в рядах социалистической партии имеются рабочие массы и многие рабочие-функционеры, которые снова и снова приходят в резкое противоречие с капитализмом и его политикой и желают социализма. Исторический опыт в Австрии и других странах показывает, что эти рабочие и рабочие-функционеры в конечном итоге все же пойдут по революционному марксистскому пути, так как развитие классовой борьбы толкает их в этом направлении. Коммунисты учитывают это обстоятельство и прилагают величайшие усилия для того, чтобы, сплотившись с данными частями рабочего класса, восстановить единство австрийского рабочего класса на более высоком уровне. Руководящая роль рабочего класса, его господство в государстве могут быть осуществлены только в том случае, если это новое единство будет достигнуто»⁵⁸.

Программный документ австрийской компартии четко определяет задачи борьбы за создание единого фронта австрийского пролетариата. Чем реакционнее становятся лидеры правых социалистов, тем острее возникает необходимость повседневной систематической борьбы за освобождение от их влияния рабочих масс, все еще верящих социалистической партии. Коммунисты разъясняют народным массам Австрии, что «капитализм превратился в смертельную опасность для человечества, так как ведет к все более ужасным кризисам и войнам»⁵⁹.

В прошлом австрийскому пролетариату приходилось преодолевать самые различные препятствия. В борьбе против клерикалов, против австрофашистской диктатуры, против вторжения нацизма австрийский рабочий класс неизменно проявлял стойкость своих классовых убеждений. Устоит австрийский пролетариат и против нового вторжения ревизионизма.

⁵⁸ «Volksstimme», 4.III.1958.

⁵⁹ Из доклада Фридия Фюрнберга на конференции компартии. — «Volksstimme», 2.III.1958.

